

Без лошадей преодолеть сорок ли пешком — чистая пытка.

— Садитесь, — старейшина взмахнул тростью.

Трава заколыхалась, пошла волнами, и вскоре прямо перед ними что-то остановилось. Раздвинув сухие стебли, они увидели широкую деревянную доску. По её углам тускло поблёскивали самоцветы — красные и зелёные, а сверху лежали два коврика, расшитых изумительными узорами.

Стоило им усесться, как доска резко накренилась, взлетая. Потеряв равновесие от неожиданного толчка, Мао Сяофэй повалился прямо на Му Цаньшана. Сгорая от стыда, он поспешно отпрянул и выпрямился.

Обычно невозмутимый Му Цаньшан посмотрел на него с редким любопытством.

Деревянный настил плавно поднялся в воздух и стремительно понёсся вперёд. Скрюченное дерево, сиротливо торчавшее на краю горизонта, миг осталось далеко позади. Ветер упруго свистел в ушах, и Мао Сяофэй вдруг захлестнул такой восторг, что дыхание перехватило.

Как же эти места не походили на Страну Верхнюю Ци! Интересно, каково тогда в Цинси? Оказывается, мир огромен и простирается он далеко за пределы тесных четырёх стен, к которым Сяофэй привык.

Маленькие человечки, точно муравьи, слаженно несли доску, лавируя среди пожухлой травы. Мао Сяофэй помалкивал: болтать при сотне свидетелей было неловко. Вообще-то он собирался рассказать о собственных злоключениях, чтобы хоть как-то утешить Му Цаньшана, но теперь горько жалел о своей нерешительности. Молодому генералу наверняка нелегко далось это откровение, а он, Сяофэй, в ответ промолчал, не проявив даже простой дружеской поддержки.

Если вдуматься, их отношения были странными. Вроде и близки — ведь делили ложе, но в то же время чужие друг другу, если не считать той ночи. И всё же Сяофэй был искренне благодарен за мягкий доспех, который Му Цаньшан снял с себя и отдал ему. Не будь этого жилета, любой скрытый механизм в подземелье давно отправил бы его на тот свет.

Посреди бескрайней равнины, заросшей бурьяном, показались очертания поселения. Хижины здесь были вдвое ниже любых домов, что Мао Сяофэю доводилось встречать прежде.

У входа в поселение, огороженное частоколом из грубых веток, несли дозор четверо вооружённых саблями стражей. Трое выглядели зрелыми мужчинами, а четвёртый казался совсем юным — от силы лет двадцати, даже моложе самого Сяофэя. На поясах у них висели угольно-чёрные рожки, крошечные по сравнению с боевыми рогами из армии Му Цаньшана. Такие подошли бы разве что трёхлетней детворе для забавы.

Летающий настил опустился на землю. Едва гости сошли на траву, стражники настороженно положили ладони на рукояти сабель.

— Шутун, проводи их в зал совещаний, — распорядился старейшина. — Мы со старейшинами подойдём чуть позже.

Проводник оказался на редкость ладным малым. Увеличь его раза в три — и вышел бы статный, благородный красавец. И хотя ростом он не вышел, лицо у него было вполне взрослое. Мао Сяофэй разглядывал его со смешанным чувством.

По пути Сяофэй не сводил с него глаз, но юноша держался подчёркнуто строго и не проронил ни слова.

— Находишь его привлекательным? — негромко спросил Му Цаньшан.

— Что? — Мао Сяофэй удивлённо обернулся.

— Ты так и пялишься на него. Зачем? Раньше ты смотрел только на меня, — в глухом голосе Му Цаньшана прозвучали странные ревнивые нотки.

— Так раньше нас было только двое! На кого мне ещё оставалось смотреть, на себя самого, что ли? — Сяофэй усмехнулся, бросил взгляд на генерала, а затем снова покосился на проводника. Подавшись ближе к плечу Му Цаньшана, он зашептал ему на ухо: — Ну посмотри сам, разве он не очаровашка?

— Очаровашка? — Му Цаньшан помрачнел, хотя со стороны это вряд ли было заметно — он всегда казался мрачнее тучи.

— Ну да! словно живая глиняная куколка, только куда искуснее раскрашенная. Глянь, какие у него тонкие, правильные черты лица. Окажись он в Шаннине, произвёл бы настоящий фурор! — В голове Мао Сяофэя тут же закрутилась шальная мысль: покажи он такое диво в столице, загребал бы золото лопатой. К тому же в Шаннине полно великих лекарей Страны Верхней Ци, они наверняка нашли бы способ вылечить этот недуг. Интересно, почему эти люди такие крошечные? Неужели родились такими? Мао Сяофэй сомневался. Раньше он лишь изредка сбегал из лавки послушать бродячих сказителей и никогда не думал, что окажется в такой несусветной дали. О племенах варваров, пожирающих сырое мясо, в народе хотя бы поговаривали — раз люди видели их, то и слухи ходили. Но о племени маленьких людей никто никогда не заикался. Почему же?

К тому же по дороге им не встретилось ни одного ребёнка. Самым молодым в этом Поселении маленьких людей был их проводник, которому на вид дашь не меньше двадцати. На три сотни жителей — мужчины, женщины, старики, зрелые воины, — но ни одного дитя. Неужели они не хотели передавать своё проклятие потомкам? Но если племя обречено на вымирание, к чему тогда старейшине гора золота?

К тому же старик говорил без грубого варварского акцента. Мао Сяофэй уловил в его речи характерный певучий выговор южных земель Страны Верхней Ци — мягкий, с лёгким проносом гласных. Понимали они друг друга без труда. Смущало лишь одно — их уморительные повадки. Вспомнив, как эти крохи громоздились друг другу на плечи, чтобы поднять своего предводителя, Сяофэй едва сдерживал смех. Не будь старик столь суров, он бы точно расхохотался в голос.

Проходя мимо лачуг, они ловили на себе любопытные взгляды. Вдруг навстречу им выбежала девушка в нежно-розовом платье. Проводник остановился.

Сяофэй с интересом уставился на неё. Круглолицая, румяная, с двумя длинными косами, она выглядела необычайно мило и трогательно.

— Старший брат Шу, это тебе, — она протянула ему искусно расшитый шёлковый мешочек с парой верных уток-мандаринок, склонивших головы друг к другу.

Юноша отступил на шаг и сухо ответил:

— Спасибо за доброту, Яо-мэй, но я не ношу подобных вещиц. Подари его кому-нибудь другому.
— Он вежливо сложил ладони в приветствии, после чего повернулся к пленникам со строгим видом, приглашая их следовать дальше.

Сяофэй сделал пару шагов, но, заметив, что бедняжка вот-вот расплечется, не выдержал. Он вернулся, наклонился к ней и весело подмигнул:

— Если ему не нужно, отдай мне! Уж больно узор красивый.

Девушка густо покраснела и, топнув ножкой, сердито выпалила:

— Бесстыдник!

Слёзы мгновенно высохли, уступив место искреннему возмущению. Мао Сяофэй покатился со смеху.

Невесело надувшись, девчушка умчалась прочь, унося подарок с собой. Сяофэй выпрямился и проводил её взглядом. Возле неказистой хижины беглянку ждала мать. Дочка тут же уткнулась ей в плечо, а женщина принялась ласково гладить её по косам, тихонько успокаивая.

Приблизившись к генералу, Сяофэй услышал его недовольный голос:

— Ты собираешься лечиться или так и будешь зубы скалить?

— Успеется. Старейшина всё равно занят, придётся ждать.

Му Цаньшан лишь хмуро промолчал.

Шутун, шедший впереди, недовольно покашлял, призывая их к порядку.

Сяофэй потянул спутника за рукав и примиряюще улыбнулся проводнику. Тот, впрочем, сохранил бесстрастное выражение лица и повёл их к самому крупному зданию в поселении, вышагивая на удивление чинно и важно.

Над крышей развевалось алое знамя с изображением чёрного дракона. Тварь изгибалась, словно готовясь к броску, и свирепо взирала на мир. Му Цаньшан едва заметно прищурился, заметив этот стяг.

«Значит, это их зал совещаний?» — подумал Сяофэй. Пусть даже дома здесь были вполуполовину ниже привычных, в Шаннане их сочли бы верхом безвкусицы: там ценился размах, величие и высота.

Мао Сяофэю пришлось пригнуться, чтобы проскочить в двери. Высокому Му Цаньшану пришлось ещё тяжелее. К счастью, внутри потолок оказался повыше, и они смогли выпрямиться. В воздухе плыл странный, слегка дурмнящий аромат — в углу курилась тонкая палочка, водружённая в бронзовый трипод величиной с кулак.

Генерал то и дело задевал макушкой потолочные балки, собирая волосами скопившуюся паутину. Сяофэй потянул его вниз, помогая убрать серые нити. Однако стоило Му Цаньшану заметить в пальцах спутника крупного паука, как он моментально побледнел от брезгливости. Сяофэй со смешком отбросил гадину в сторону, но воин ещё долго косился на то место со священным ужасом.

В зале их уже поджидали пятеро почтенных мужей. Шутун торопливо прошёл вперёд и встал за спиной одного из них, уважительно произнеся: «Отец».

Стоявшие вдоль стен стульчики напоминали игрушки для младенцев. Слуги поспешили подкатить гостям крошечные табуреты, но Мао Сяофэй побоялся даже прикоснуться к ним. Вдруг хрупкое дерево треснет под его весом? Местные и без того жадными глазами косились на отвоёванные сокровища, не хватало ещё дать им повод выставить счёт за сломанную мебель.

Му Цаньшан стоял рядом, слегка опустив голову. Он выглядел мрачно сосредоточенным. Сяофэй порой ловил себя на мысли, что в этом человеке уживается несколько совершенно разных личностей. Он до сих пор отчётливо помнил их первую встречу: израненный воин в промокших чёрных одеждах, которого прибило течением к берегу. Тогда он казался таким бледным и немощным, словно вот-вот испустит дух, вызывая невольную жалость. Но стоило ему немного оправиться, как в нём проснулась дикая, звериная ярость. Сяофэй, привыкший к виду крови при забое скота, и то содрогнулся, когда Му Цаньшан безжалостно рвал зубами

волчьи глотки, а после, весь в липкой багровой жиже, лишь буркнул, чтобы тот заткнулся, и завалился спать. В военном же лагере перед ним предстал совсем иной человек — сдержанный, суровый военачальник, чьё каждое слово имело вес, а от одной его ауры веяло неодолимой силой. А как преданно он выхаживал мечущегося в лихорадке Фу Дуна... От этих воспоминаний Сяофэй внезапно покраснел, и он поспешно отогнал непрошенные мысли.

Сам Сяофэй никогда не отличался строгими нравами. Он понимал, что в ту ночь Му Цаньшан желал ему блага, и был по-своему благодарен. Но чем больше граней открывалось в характере этого человека, тем сильнее разгоралось любопытство. У него ведь был ещё младший брат... Каковы же они, истинные наследники великого рода Му? Старый генерал Му гремел славой даже в пределах Шанци, в народном театре его всегда изображали грозным воителем с багровым лицом. Но раз его старший сын уродился таким писанным красавцем, то и отец наверняка обладал благородной внешностью, иначе никто бы не поверил в их родство.

Из глубин этих размышлений Сяофэя вырвал пристальный взгляд Му Цаньшана. Юноша поспешно отвернулся, делая вид, что увлечён созерцанием стен.

В этот момент присутствующие в зале разом поднялись со своих мест, выражая почтение вошедшему. В дверях показался тот самый среброволосый старец. Он успел сменить дорожный наряд на изящный серебристый халат, на груди которого красовался вышитый шёлком чёрный дракон.

«Так вот почему он заставил нас ждать! Ходил мыться да наряжаться, — усмехнулся про себя Сяофэй. — Надо же, какие чистоплюи».

Старик властным жестом протянул назад сухую, сморщенную ладонь. Слуга тут же вложил в неё свиток пожелтевшей пергаментной кожи. Не опуская руки, старейшина задрал голову и уставился на Му Цаньшана — он сразу понял, кто из двоих по-настоящему принимает решения.

— Здесь карта водных путей к Озеру Злого Дракона, — глухо произнёс он.

— Твои условия? — Му Цаньшан не спешил забирать свиток. — Но сразу предупреждаю: на золото даже не зарьтесь. Вашему племени оно ни к чему. С вашим ростом вы эти сокровища и дня не удержите — придут другие и заберут.

— Мы и не претендуем на него, — покачал головой старик. Старейшины за его спиной согласно закивали. — Нам нужно, чтобы вы выполнили для нас одно поручение.

— Десять лет назад банда Чёрного Дракона пала жертвой страшного проклятия, из-за чего нам пришлось укрыться в этой глуши, — старейшина горестно вздохнул, его голос задрожал. — Прежде мы были такими же статными и высокими воинами, как вы. Но на сорок девятый день рождения нашего Главы банды мы совершили роковую ошибку. Был устроен пир на весь мир, созваны предводители всех тридцати двух речных банд Страны Верхней Ци. Каждый стремился засвидетельствовать почтение ему и преподнести богатые дары.

Он замолчал на мгновение, борясь с нахлынувшей горечью.

— Из-за собственной беспечности мы не распознали врага, который затесался среди гостей. Он преподнёс в дар диковинный цветок из заморских земель. С виду тот походил на обычный эпифиллум, но лепестки его никогда не увядали, оставаясь свежими по полгода. Бутоны пламенели ярким, сочным пурпуром, приковывая к себе взоры всех присутствующих. А аромат... то был не приторный запах жасмина или корицы, а нежное, тонкое благоухание, уносившее разум в царство сладких грёз.

— После того празднества главу словно подменили. Он забросил тренировки и спал до самого полудня. Дивный цветок вскоре дал побеги, его начали рассаживать. Глава с супругой так увлеклись им, что велели украсить вазонами все дворы, дабы каждый член банды мог наслаждаться его красотой.

— И что же это за дрянь оказалась? — спросил Мао Сяофэй. Он уже догадался, что диковинка обладала каким-то ядовитым или дурманящим свойством.

— Спустя три месяца люди начали увядать, — старейшина скорбно покачал головой. — Сначала навалилась дурнота, слабость и вечное головокружение. Стояло жаркое лето, и все списали это на зной. Но к осени у многих стали усыхать и укорачиваться конечности. Местные лекари лишь разводили руками, прописывая бесполезные отвары. Мы отправляли гонцов во все концы света, пытались отыскать Божественного лекаря Бая, но его обитель скрыта в заоблачных высях — простому смертному туда ходу нет.

— Хочешь, чтобы мы нашли его для вас? — уточнил Сяофэй.

— Нет, искать лекаря Бая — всё равно что ловить ветер в поле, — возразил старик. — Разумнее разыскать того гада, что принёс цветок, и выбить из него противоядие.

— Неужели вы даже имени его не записали? — изумился Сяофэй. В поместье князя Аньяна, помнится, каждое подношение строго заносили в реестр, чтобы избежать путаницы и воровства. Да и кто бы посмел шутить с владыкой тридцати двух рек?

— Враг скрывается среди тех самых тридцати двух банд. Все они кормятся у Великой реки. Наш вождь правил железной рукой и нажил немало смертельных врагов.

Задача казалась невыполнимой — чистой воды иголка в стоге сена. Пока они раскопают правду, утечёт слишком много времени. К тому же Му Цаньшан был действующим генералом Цинси и не мог вечно отсутствовать на службе. Сяофэй обеспокоенно взглянул на товарища.

Му Цаньшан ненадолго задумался, а затем спокойно произнёс:

— Чтобы уйти отсюда, нам нужны сокровища и твоя карта. Но если мы заберём их сейчас, у вас

не останется никаких рычагов давления. Мы можем просто уплыть и никогда не вернуться. Не самый разумный уговор с твоей стороны.

— Твой спутник отравлен, — старейшина выразительно покосился на Сяофэя. — Неужели ты бросишь его медленно превращаться в полуживой труп?

Сердце Мао Сяофэя пропустило удар, а по спине пробежал холодок.

Секунды потянулись томительно долго. Героические слова застряли у него в горле. Он не мог заставить себя пафосно крикнуть: «Не думай обо мне, спасайся!» Ему безумно хотелось жить — у него оставалось слишком много незавершённых дел, и маленький Фу Дун всё ещё нуждался в нём.

Наконец Му Цаньшан нарушил тишину. Он мягко сжал ладонь Сяофэя в своей, едва заметно улыбнувшись.

— Разумеется, нет, — ровно ответил генерал. — Поэтому моё условие простое: сначала вы полностью очистите его тело от отравы.

Сяофэй прикусил дрожащую губу и смущённо опустил глаза, чувствуя, как краснеет.

— Это уже сделано, — сухо бросил старик. — Отрава нейтрализована в тот самый миг, когда вы переступили порог этого зала. Неужели вы не почувствовали этот странный аромат? Должен признать, ваша бдительность оставляет желать лучшего. Знай я наперёд, что члены императорской семьи Цинси столь беспечны, наша банда давно бы перебралась на ваши земли. Глядишь, и вождь остался бы жив...

Сяофэй и Му Цаньшан быстро переглянулись. Юноша почувствовал, что ладонь генерала, сжимающая его пальцы, стала слегка влажной от напряжения.

— Не беспокойтесь, для здорового человека этот благовонный дым безвреден, — продолжил старейшина. — Жизни твоего друга сейчас ничего не угрожает. Однако яд лишь усыплен. Если через десять месяцев он не вернётся сюда за постоянным лекарством, его ждёт та же участь, что постигла нас.

«Вот оно как», — подумал Сяофэй. Похоже, летучие вещества благовония вступили в реакцию с ядом в его крови, временно заблокировав его действие. Оценив собственное самочувствие, парень бодро ухмыльнулся:

— Главное, что прямо сейчас не помру. Помните: если я протяну ноги, мой спутник пальцем не пошевелит, чтобы продолжить ваши поиски, и уж точно сюда не вернётся.

— Я верю в благородство и честное слово правящего дома Цинси, — веско произнёс старик.

Му Цаньшан лишь многозначительно прищурился в ответ.

Сяофэя тоже терзали сомнения. С чего этот прожжённый старик решил, будто Му Цаньшан принадлежит к императорскому роду? Впрочем, разубеждать его никто не собирался — в их положении подобное заблуждение играло только на руку.

— Если вы найдёте виновника и поможете снять это проклятие, банда Чёрного Дракона присягнёт на верность трону Цинси, — старейшина протянул руку ладонью вверх. — До нас дошли слухи, что Цинси и Страна Верхняя Ци стоят на пороге войны. Пусть мы не можем сражаться на передовой, но победа куётся в тылу. На воде нам нет равных, мы полностью возьмём на себя систему водных перевозок и доставку провианта. Ни одна живая душа не посмеет напасть на обозы под знаменем Чёрного Дракона.

Под напряжённым взглядом Мао Сяофэя Му Цаньшан протянул руку и забрал свиток с Картой водных путей.

Выйти в путь в тот же вечер они не могли, так что пришлось заночевать в поселении. Люди Чёрного Дракона выставили надёжную стражу у лодки с сокровищами. От безделья Сяофэй принялся донимать расспросами Шутуна. Тот нехотя поведал, что Озеро Злого Дракона исстари пользовалось дурной славой, и земли на сотни ли вокруг оставались неподконтрольны властям. Банда укрылась в этой глуши ради покоя. И пока они охраняют судно, ни один местный грабитель не осмелится покуситься на добычу — грозное имя Чёрного Дракона до сих пор внушало страх. В своё время они объявили о распаде, за одну ночь свернув все дела в Стране Верхней Ци, и лишь спустя годы скитаний основали Поселение маленьких людей.

Проклятие поразило не только их тела. Разум многих воинов угас, превратив их в бездумных исполнителей, сохранивших лишь базовые рефлексy и инстинкт подчинения. Прогуливаясь в сумерках по улочкам, Сяофэй набрёл на весёлую компанию. Несколько десятков пьяных человечков лежали прямо на сырой земле, выпятив круглые, лоснящиеся животы. Если приглядеться к их лицам, в глазах не светилось ни единой мысли — лишь тупое, животное блаженство.

Шутун помрачнел и поспешно отвёл взор от опустившихся сородичей. Справившись с эмоциями, он вежливо указал рукой в сторону:

— Чуть дальше находится наша лучшая винокурня. В прежние времена тамошний хозяин поставлял хмельное в усадьбу наследного принца. Всего было отправлено пятьдесят кувшинов, и Гунси Сюань так дорожил ими, что позволял откупоривать лишь по одному в год, на главные императорские пиршества.

Тот самый наследный принц ныне восседал на драконьем троне, однако Шутун произнёс его имя без всякого трепета. Настоящие вольные бродяги никогда не гнули спину перед короной. Впереди, покачиваясь на ветру, горела длинная гирлянда багровых фонарей, резко контрастируя с заросшими грязью лачугами и мычащей толпой безумцев под ногами.

— Раз уж мы здесь, почему бы не пропустить по стаканчику? — предложил Сяофэй, предвкушая дегустацию легендарного напитка.

— Я устал, — сухо отозвался Му Цаньшан. Казалось, он хотел добавить что-то ещё, но передумал. — Возвращаюсь в хижину.

— Ну как знаешь, — Сяофэй удивлённо приподнял брови и махнул рукой. — Иди. Дорогу-то найдёшь?

Тот ничего не ответил и молча зашагал прочь, скрываясь в темноте.

Мао Сяофэй озадаченно почесал нос и жестом попросил Шутуна продолжить прогулку. Юноша шёл впереди, держа осанку безупречно прямой. Его длинные чёрные волосы были аккуратно стянуты на макушке белоснежным нефритовым кольцом. Не случись той трагедии с бандой, этот малый наверняка прославился бы в Поднебесной как благородный молодой господин. Все эти чудеса настолько увлекли Сяофэя, что он напрочь позабыл о затаившемся в крови яде. Они ещё не успели дойти до ворот винокурни, как ночной воздух наполнился густым, кружащим голову ароматом выдержанного вина — чистым, глубоким и невероятно манящим.

<http://bllate.org/book/18429/1865378>